

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249>

EDN: DDTWRH

Научная статья / Research Article

Социальная структура в цифровую эпоху в контексте типологической характеристики влияния государства на общественные процессы

С.Б. Зинковский

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация
Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Российская Федерация

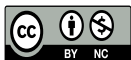
 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Аннотация. Рассматриваются основные характеристики социальной структуры с точки зрения их значения для выявления места и роли государства в общественных процессах в цифровую эпоху. Методологической основой исследования стало сочетание элементов классовой и стратификационной теорий структуры общества, что позволило охарактеризовать социальные группы с позиций их неоднородности, различий в идейных основах их организации и функционирования. Обоснован тезис о том, что в разные исторические периоды ресурсы, предопределяющие характер и основания социальной структуры, обладают неодинаковым дифференцирующим потенциалом. Отсюда – заложенные в ней диспропорции становятся основой для ее потенциальной конфликтности, которая преодолевается изменением роли государства в обществе, степени его вмешательства в общественные процессы и влияния на формирование и развитие социальных групп. Государство, являясь механизмом, интегрирующим общество, меняет существующие в нем системы ценностей с целью согласовать различные группы социальных интересов и не допустить усиления общественных сил, представляющих угрозу для государственного суверенитета. Исследование показывает, что цифровая эпоха демонстрирует сочетание критериев построения системы социально-экономического неравенства и соответствующей ей социальной структуры – от в целом виде экономических до статусных, политико-правовых и социокультурных. Цифровая эпоха демонстрирует большую поляризацию и разобщенность социальных групп, меньшие возможности для вертикальной социальной мобильности, ярко выраженную закономерность подчинения социальной структуры интересам усиления государства и его принудительного воздействия на общество. В работе обосновывается тезис о постепенном отчуждении основной массы людей в цифровую эпоху от влияния на общественные процессы. Идейным фундаментом для этого становится деградация системы прав и свобод человека, изменение концептуальной основы взаимодействия государства, общества и индивидов, а также правовых форм такого взаимодействия, происходящие в контексте общего кризиса антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации общества.

Ключевые слова: типология права, сущность права, кризис антропоцентризма

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

© Зинковский С.Б., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию: 17 февраля 2026 г.

Принята к печати: 15 апреля 2026 г.

Для цитирования:

Зинковский С.Б. Социальная структура в цифровую эпоху в контексте типологической характеристики влияния государства на общественные процессы // *RUDN Journal of Law*. 2026. Т. 30. № 2. С. 233–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249> EDN: DDTWRH

Social structure in the digital era: Typological characteristics of state influence on social processes

Sergey B. Zinkovskiy

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Odintsovo branch, MGIMO University, Odintsovo, Russian Federation

 zinkovskiy-sb@rudn.ru

Abstract. This article analyzes key characteristics of social structure and their significance for identifying the place and role of the state in social processes during the digital era. The methodological foundation integrates elements of class and stratification theories of social structure, enabling characterization of social groups by their heterogeneity and divergent ideological bases of organization and functioning. The study substantiates that resources shaping the nature and foundations of social structure exhibit varying differentiating power across historical periods. Consequently, differentiation of social structure and its disparities form the basis for conflict potential, overcome through changes in the state's role, degree of intervention in social processes, and influence on social group formation and development. The state, as a mechanism integrating society, modifies existing value systems to harmonize social interests and prevent threats to sovereignty from opposing forces. The study shows that the digital era combines criteria for socioeconomic inequality and social structure — from purely economic ones to status-based, political, legal, and sociocultural. It features greater polarization and disunity among social groups, reduced upward social mobility, and subordination of social structure to state-strengthening interests and coercive influence. The article substantiates the gradual alienation of most people from influencing social processes in the digital era. This rests on degradation of human rights and freedoms, shifting conceptual and legal bases for state-society-individual interactions, amid a crisis of anthropocentric principles of the social, political, and legal organization of society.

Key words: typology of law, essence of law, crisis of anthropocentrism

Data Availability Statement. All data generated during this study are included in the published article.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received: 17th February 2026

Accepted: 15th April 2026

For citation:

Zinkovskiy, S.B. (2026) Social structure in the digital era: Typological characteristics of state influence on social processes. *RUDN Journal of Law*. 30 (2), 233–249. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2026-30-2-233-249> EDN: DDTWRH

Введение

Социальная структура и интересы различных социальных групп на протяжении всей истории человечества выполняли роль индикатора, отражающего результаты процессов, трансформирующих общество (Ermakov, 2014:18). Будучи сформированными в результате этих процессов, они, находя свое отражение в праве конкретной эпохи, предопределяли его сущность и в этом смысле выступали в качестве одного из факторов, на основе которых формировались исторические типы права.

Основу социального деления и дифференциации социальных интересов составляют ресурсы во всем их многообразии – от материальных до временных, человеческих, властных и т.д. – от отношения к которым зависит социальный статус лица. При этом в разные исторические моменты ресурсы обладают неодинаковой дифференцирующей силой – отсюда право в зависимости от эпохи может отражать различную степень однородности социальной структуры, ее потенциальной конфликтности и скрытых в ней диспропорций. Поскольку право в любую историческую эпоху призвано выполнять роль фактора, интегрирующего общество, механизмы, посредством которых оно способно реализовывать эту функцию, индивидуальны для каждой из эпох. Как следствие, конкретные типы права характеризуются выраженными в этих механизмах разными системами ценностей и его специфическом социальном назначении, позволяющими праву находить «точки соприкосновения» между различными группами социальных интересов, полнота которых находится в прямой зависимости от степени однородности социальной структуры.

С учетом этой логики, **цель исследования** – определить, как эволюционирует структура общества и соответствующие ей социальные интересы, предопределяющие типологические характеристики права в цифровую эпоху.

Методология и материалы

Для исследования динамики изменений социальной структуры в цифровую эпоху представляется возможным использовать два сложившихся в науке подхода – классовую и стратификационную теории структуры общества, которые рассматривают неодинаковые ее аспекты и отражают разные срезы системы социально-экономического неравенства.

С позиций теории социальной стратификации (градационного подхода) интерес представляют взгляды на критерии (статусные признаки) деления общества на социальные слои (страты), спектр которых оказывается довольно широким – от строго экономических (доход, собственность) до политико-правовых (авторитет, власть) и социокультурных (престиж, образование, образ жизни, образ мышления) – и на иерархичность социальных страт. Эта теория имеет значение для исследования социальной структуры в цифровую эпоху, поскольку предлагаемая ею модель стратификации непосредственно связана с господствующей в обществе системой ценностей, лежащей в основе нормативных критериев оценки видов человеческой деятельности, социальных ролей человека, их ранжирования и закрепления результатов этих операций в праве.

В науке сформировались следующие основные подходы к объяснению социальной стратификации, который могут быть использованы при анализе динамики социального деления в цифровую эпоху.

Подход Р. Дарендорфа, развивавшего собственную теорию социального конфликта (Darendorf, 2002), исходит из того, что критерием социальной стратификации

выступает политическое понятие «авторитет», а сама структура общества делится на управляемых и управляющих. Эти элементы социальной структуры неоднородны – так, управляемые, в свою очередь, включают в себя рабочую аристократию – привилегированный слой работников, которые в силу высокой квалификации, позиции в структуре производства или организационного потенциала добиваются более выгодных условий своего участия в процессе производства; и группу обычных рабочих. Группа управляющих также делится на собственников и несобственников. Р. Дарендорф также описывает характеристики так называемого «нового среднего класса», включающего в себя представителей свободных профессий (врачей, юристов, ученых, учителей и т.д.); этот класс не обладает ни управленческим потенциалом, ни потенциалом физически влиять на процесс производства и движения капитала (далее по тексту представлен альтернативный взгляд на содержание понятия «новый средний класс», содержание которого обусловлено реальными общественными процессами, характеризующими цифровую эпоху, однако, основные характеристики этого явления, предложенные Р.Дарендорфом, находят свое выражение и в авторской интерпретации этого понятия).

Американский социолог У.Л. Уорнер среди критериев социального деления называет характеристики образования, уровень дохода, престиж профессии и этническую принадлежность индивида (Warner, Meeker & Eells, 1949; Warner & Lunt, 1941:14; Warner, 1997). Описанная У.Л. Уорнером система классов, где каждому из классов – высшему, среднему и низшему – соответствовали по две подкатегории, основывалась на идее о том, что класс – это группа людей с одинаковым статусом в оценке окружающего их сообщества. Этот вывод был сделан после обнаружения того, что уже во второй половине XX века обладание большим объемом материальных благ не гарантировало высоких социальных позиций – то есть социальное положение человека не всегда напрямую связано с его экономическим и профессиональным положением. Оценка человека со стороны сообщества формируется, главным образом, на основе его образа жизни и особенностей его поведения в обществе. Типы поведения людей позволили У.Л. Уорнеру создать обобщенный показатель оценки социального класса – индекс статусных характеристик (Index of Status Characteristics) (Baturenko, 2022:119–136), который и был положен в основу выстроенной им социальной стратификации.

В основу социальной стратификации другого американского социолога – Б. Барбера – легли такие критерии, как особенности профессии, престиж, уровень доходов, уровень образования, степень религиозности, статус родственников и этническая принадлежность (Barber, 1957; Wearne, 2002). Еще один представитель американской социологической школы – П. Блау – назвал параметры, определяющие положение индивида в обществе, выделив среди них номинальные (пол) и ранговые (должность и область деятельности, возраст, особенности происхождения, престиж, материальные ресурсы, доход, этническая, расовая, языковая и религиозная принадлежность, место жительства) (Blau, 1981).

Французский ученый А. Турен предложил в качестве критерия социальной стратификации возможность доступа к информации у представителей различных социальных групп. Чем такой доступ шире – тем более высокие позиции в социальной структуре занимает социальная группа (Turen, 1986).

Функционалистская теория стратификации (У. Мур и К. Девис) исходит из того, что существование и развитие общества зависит от полноты и правильности реализации различных социальных ролей его членами. Эти роли неодинаковы по

своей социальной значимости и функциональным особенностям. Сложность реализации таких ролей требует стимулирования исполнителей к развитию их навыков – создание стимулов происходит как в материальной форме, так и в форме признания за такими людьми высокого социального статуса или престижа (Davis & Moore, 1945; Davis, 1942). Отметим, что такое представление о социальной стратификации имеет универсальный характер, поскольку культурные особенности общества не влияют на его потребности в замещении таких социально значимых ролей.

Эволюционная теория социальной стратификации видит ее причины в постепенном усложнении культуры общества, что приводит к специализации и разделению труда, а шире – всех форм социальной деятельности, а на ее основе – к усложнению социального деления. Виды социальной деятельности неодинаковы по своему значению – часть из них имеют повышенную социальную значимость, а часть – меньший удельный вес. Последние имеют массовый характер и легко заменяемы. С развитием общества выстраивается иерархия видов социальной деятельности и основанная на ней социальная стратификация, системообразующее значение для которой имеет сложившийся консенсус ценностей властвующих и подвластных.

Эволюционная теория социальной стратификации получила развитие в 70–80-х гг. XX в. в работах американских социологов П. Нолана и Г. Ленски (Nolan & Lenski, 1974; Lenski, 2005). Особый интерес представляет методология, предполагающая исследование социальной стратификации сквозь призму биологических идей – адаптации, конкуренции, отношений взаимозависимости внутри и между популяциями, а также к взаимодействию популяций с их окружением. Значительная роль в развитии социальной стратификации признается за технологическими изменениями, составляющими основу социокультурной эволюции. Среди таких изменений наиболее значимым является изменение характеристик, параметров информации, на основе которой осуществляется управление материальным и духовным миром.

По мнению Г. Ленски человеческий вид обособился от животного мира, от природы благодаря скачку в способах передачи и использования информации, часть которой передается генетически, а наиболее значимая часть усваивается исключительно индивидуально. Дальнейшее накопление и изменение характеристик информации может привести к тому, что человечество на ее основе будет стремиться контролировать собственную эволюцию. Таким образом, решение технологических проблем приобретает для общества значение базы для поиска новых форм социального управления, манипулирования, социальной инженерии – то есть предопределяет тенденции развития общества, социальной структуры, человеческой истории, их политических и правовых форм.

Классовый подход (relational approach) рассматривает социально-экономические группы с точки зрения их места в общественном разделении труда. Классовый подход не отражает реальные позиции представителей конкретных социальных групп в социальной иерархии, однако объясняет через особенности межклассовой коммуникации а) социально-экономические (структурное (теоретическое) направление – его содержанием является изучение структуры классовых позиций, анализ содержания отдельных позиций и форм связи между ними, процесса превращения экономических отношений в социальные структуры) (Giddens, 1981:105), б) демографические (в центре исследования – люди, занимающие определенные классовые позиции, их мобильность; преимущественно это эмпирические исследования) и в) общекультурные (культурное направление – характеризуется разнородностью

предмета исследования – от классового сознания до стилей жизни и т. п.; основной вопрос: как люди через свою культуру воспроизводят классовую структуру?) причины неодинакового положения социальных групп в системе разделения труда и правовые формы построения этой системы.

В основе классовой интерпретации социального развития лежат идеи двух ее основоположников – К. Маркса и М. Вебера. При всей разнице между их представлениями о классовом делении общества их концепции, скорее, взаимно дополняют друг друга, основу для чего создает а) схожая интерпретация понятия «класс» как социально-экономической группы; б) признание роли собственности как критерия классового деления общества. Сочетание подходов К. Маркса и М. Вебера при анализе социального деления в цифровую эпоху позволит обратить внимание на следующие факторы классообразования: 1) динамическая концепция К. Маркса нацелена на объяснение того, откуда берется экономический потенциал одних классов и отсутствие такового у других; 2) сочетание поляризованного представления К. Маркса о структуре общества с идеями М. Вебера о многообразных формах неравенства и о так называемом «среднем классе» позволит рассмотреть динамику социального расслоения в цифровую эпоху и понять, как трансформируется средний класс, какие альтернативные классы формируются в обществе и как это меняет соотношение социальных интересов, определяющее сущность права; 3) наконец, внимание К. Маркса к капиталу (средствам производства, самовозрастающей стоимости) как основной движущей силе классообразования и более широкий подход М. Вебера, где в качестве такой силы рассматривается более широкое понятие – собственность, позволит понять, что становится капиталом в цифровую эпоху и как на современную динамику классообразования влияют такие общекультурные факторы, как образ жизни, образ мышления, поведенческие стереотипы, в том числе и в сфере потребления и т.д.

Классовый анализ – продукт западной политической и правовой культуры. Однако он имеет определенный потенциал к универсальности – так, восточные общества, охваченные современными процессами цифровизации, даже при сохранении традиционного «пласта» культуры не могут избежать развития социальных процессов, в основе которых лежат объективные закономерности общественного развития, характеризующие классовые общества, помноженные на императивы цифрового развития, ведущие к постепенной утрате антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации и, как следствие – к гомогенизации основных трендов общественного развития. Среди таких трендов необходимо учесть следующие: 1) в современных экономических отношениях основным субъектом является не индивидуальный собственник, а обезличенный – корпорация; 2) в эпоху цифровизации проявил себя кризис среднего класса, который обострил проблему социального неравенства и актуализировал охранительную функцию правового регулирования; 3) по мнению Дж. Маршалла, «классовые неравенства в индустриальных странах остались более или менее неизменными на протяжении всего XX века Поэтому центральной проблемой классовой теории является совсем не то, что предполагали поколения критиков, говорившие об исчезновении социальных классов в развитых обществах. Реальной проблемой является объяснение их сохранения как потенциальной социальной силы» (Marshall, 1997); 4) объем понятия «капитал» в современных условиях предполагает включение в него не только денег и средств производства, но и более широкого круга явлений, обозначаемых в научной литературе такими терминами, как «человеческий», «организационный»,

«информационный», «когнитивный», «культурный» капитал: общим у всех его интерпретаций остается одно – как у К. Маркса, так и по сей день капитал – это процесс, содержанием которого является возрастание стоимости (Marks & Ehngel's, 1987), увеличение экономического потенциала, открывающее возможности для политического господства в различных формах и для правового закрепления привилегий экономически и политически господствующих классов; 5) наконец, универсальным трендом общественного развития становятся особенности институционализации в цифровую эпоху соотношения категорий «капитал» и «ресурс» – капитал – это всегда ресурс, но не каждый ресурс является капиталом; этот тезис позволяет объяснить, почему собственники схожих ресурсов могут занимать разное место в классовой структуре, почему объем ресурсов не всегда и не в каждом обществе конвертируется в общественное развитие, почему капитал, предопределяющий социальную структуру, неравномерно распределен в обществе и почему разные по характеру виды капитала имеют различный потенциал влияния на общество.

Результаты исследования и дискуссия

Применение элементов описанных методологий исследования динамики социального деления позволило прийти к следующим результатам.

Цифровая эпоха демонстрирует сочетание критериев построения системы социально-экономического неравенства и соответствующей ей социальной структуры – от в чистом виде экономических до статусных, политико-правовых и социокультурных.

В современную эпоху социально-классовое деление выражается в существовании и следующих социальных групп.

Во-первых, это рабочий класс – носители ресурса – труда. Уровень технологического развития конкретного общества создает условия для дифференциации рабочего класса на группы квалифицированных и неквалифицированных работников. Они различаются по наличию у них альтернативных ресурсов – а) культурного, то есть уровня квалификации, являющегося следствием не их природного потенциала, а требований специфики производства, его технологической оснащенности и сложности; б) временного – количества времени, затраченного на приобретение соответствующей квалификации. Ресурсы, которыми располагает представитель рабочего класса – это его внутренние ресурсы, формирование которых и конвертация которых в капитал напрямую от него не зависит. Соответственно, социальный интерес представителя рабочего класса выражается не только в получении денежного эквивалента за свой труд, но и в обеспечении доступа к средствам повышения квалификации при разумных затратах временного ресурса и последующей конвертации полученных знаний и навыков в капитал. Отдельного внимания заслуживает появившийся в XX веке феномен конторского пролетариата – наемных работников, занятых простыми формами умственного труда (расчетчик заработной платы, работник, ведущий учет имущества, поставленного на складское хранение, делопроизводитель и т.д.). Эти индивиды имеют аналогичные обычным рабочим социальные интересы и также несамодостаточны в развитии собственных ресурсов и их конвертации в капитал.

Во-вторых, это буржуазия – индивиды, статус которых зависит от внешних по отношению к ним ресурсов – денег, земли, средств производства и т.д., которые они конвертируют в капитал. С одной стороны, социальные интересы этой группы населения не поменялись со времен буржуазных революций в Европе и выражаются

в приумножении капитала и его защите при снижении издержек. С другой стороны, во-первых, развитие информационных технологий делает главным ресурсом для развития информацию, отсутствие контроля за которой существенно сужает возможности представителей «классической» буржуазии влиять на общественные процессы. Во-вторых, объем материальных ресурсов, которыми располагает «классическая» буржуазия в цифровую эпоху не гарантирует им доступ к власти. В-третьих, дифференциация современной буржуазии на собственников и несобственников (менеджеров высшего звена) порождает уникальный феномен – когда один и тот же индивид в какой-то момент становится одновременно и менеджером и собственником, а следовательно, носителем интересов и одного, и другого, часто противоречащих друг другу; тем самым он оказывается в уязвимой позиции, а эффективность использования им капитала, в том числе и в части получения на его основе власти и контроля над общественными процессами, снижается.

В-третьих, это цифровая (технологическая) олигархия, которую можно рассматривать как «новую» буржуазию, являющуюся продуктом новой формы социального устройства, названной М. Кастельсом «информациональным капитализмом» (Kastels, 2000:40, 497). По его мнению, «в новом, информационном способе развития источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации» (Kastels, 2000:39). Следовательно, контроль за этой технологией предопределяет реальные возможности лица воздействовать на социальные процессы. В описанной М. Кастельсом модели капитализма «традиционные» виды экономической деятельности (производство, потребление и т.д.) зависят от технологий информационного взаимодействия их участников – лицо, в руках которого находятся инструменты, посредством которых это взаимодействие осуществляется, контролирует экономическую деятельность.

Таким образом, цифровая (технологическая) олигархия занимает «доминирующее положение в системе производства будущего» (Ermaikov, 2014:19), то есть верхушка социальной структуры – это те лица, которые имеют в своем распоряжении средства производства, связанные с созданием или переработкой информации. Цифровая эпоха порождает новые формы социального неравенства – деление общества на технологически развитое меньшинство с технологической олигархией во главе и технологически ограниченное большинство – социальные группы с разными интересами и разными возможностями влияния на общественные процессы.

Цифровые (технологические) олигархи – это относительно небольшая группа лиц, чей экономический потенциал сформирован в IT-индустрии, а политическое и общекультурное влияние приобрело тотальный характер по следующим причинам.

Во-первых, производимой ими продукцией пользуется весь мир, следовательно, через нее они способны влиять на жизнь и развитие человечества в целом.

Во-вторых, цифровые (технологические) олигархи контролируют не только патенты на IT-технологии, но и инфраструктуру, на которой эти технологии работают. Современный мир и сфера человеческой деятельности не ограничивается только физической реальностью. Постепенно все большая часть человеческой активности как минимум соприкасается с виртуальной реальностью, а подчас полностью в нее уходит. Технологическая олигархия контролирует как само пространство виртуальной реальности, так и обеспечивающие его функционирования операционные системы, облачные серверы и т.д.

К 2025 году согласно статистическим данным частью экосистемы Facebook* были зарегистрированы 2,28 млрд активных пользователей¹. То есть, на всех этих людей владельцы экосистемы могут оказывать непосредственное влияние; личная жизнь, карьера, психика, убеждения, мотивы поведения пользователей могут испытывать манипулятивное воздействие от решений, принимаемых менеджментом экосистемы. Технологии такого воздействия во многом невосприимчивы к культурным различиям – они унифицированы для Востока и Запада, для религиозных и светских обществ, для мононациональных и многонациональных государств и т.д.

Другой пример тотального контроля в виртуальном пространстве – Amazon, чьи облачные серверы (а это примерно треть мощности всех облачных систем) арендуют крупнейшие экономические игроки, государство США, а также ООН.

Наконец, целые сферы человеческой деятельности постепенно ставятся в зависимость от IT-технологий, которые активно в них проникают в силу своей эффективности и способности снизить издержки. Ключевым из таких IT-инструментов в настоящее время является искусственный интеллект, все глубже интегрирующийся во все сферы жизни общества и инфраструктуру человеческой деятельности – от социальных сетей до финансовых рынков и военной области.

В-третьих, начало XXI века ознаменовалось тем, что политические процессы стали затрагивать интернет-пространство – политическая сфера стала объектом контроля цифровой (технологической) олигархии. Государство, его органы стали клиентом IT-индустрии, а народ – объектом политических манипуляций, осуществляемых с использованием интернет-технологий. Социальные сети, которые ранее могли разрушить жизнь простого обывателя, теперь стали инструментом как построения, так и завершения карьеры политических деятелей (примером может служить судьба Д. Трампа, который в 2016 году стал президентом благодаря Facebook*, а затем столкнулся с тем, что его политическая карьера в 2021 году оказалась под угрозой в том числе и из-за решения цифровых (технологических) олигархов заблокировать его доступ в социальные сети), инструментом управления избирательным процессом, протестной активностью населения и т.д.

В-четвертых, цифровые (технологические) олигархи предпринимают попытки внедрения в легальный законотворческий процесс. Примером может служить так называемое «Предложение 22». Предыстория такова, что в 2020 году ряд политиков в Калифорнии выступили с инициативой приравнять доставщиков и таксистов, сотрудничающих с приложениями Uber, Lyft и т.д., к наемным работникам со всеми вытекающими из такого статуса последствиями и социальными обязательствами работодателей-платформ, грозящими им снижением прибыли. Оперативно этими платформами была создана альтернатива в виде поправки, в соответствии с которой по факту наемные работники назывались не сотрудниками, а независимыми подрядчиками, что снимало с платформ какие-либо социальные обязательства перед ними. Затем была профинансирована (более чем наполовину – за счет средств Uber и Lyft) широкая лоббистская и пропагандистская кампании и тем самым обеспечена

* Решением Тверского районного суда г. Москвы от 21 марта 2022 г. по делу № 02-2473/2022 деятельность компании Meta Platforms Inc. по реализации социальных сетей Facebook и Instagram признана запрещенной на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

¹ Facebook Global Users Statistics 2025 | FB Demographics // The Global Statistics. URL: <https://www.theglobalstatistics.com/facebook-global-users-statistics/> (дата обращения: 15.01.2026).

поддержка народом «Предложения 22». Предложение было принято, хотя впоследствии его конституционность и была оспорена в суде. Результатом стал скачок в стоимости Uber и Lyft, что в несколько раз окупило их расходы на лоббистскую и пропагандистскую кампании.

Возрастание влияния цифровой (технологической) олигархии на экономику и политику не может остаться без внимания государства. Понимая угрозы, которые создает его суверенитету деятельность технологических компаний, оно активно применяет ограничительные меры в тех ситуациях, в которых оно наиболее уязвимо. Примером могут служить усилия по созданию «суверенного интернета» в России и КНР, идеи о дифференциации трансграничных и национальных моделей искусственного интеллекта для целей правового регулирования и выбора соответствующего им режима правовых ограничений.

Кроме того, государство подчас претендует на роль своеобразного «публичного цифрового олигарха», оказывая влияние на информационную экономику как в национальном (примером может служить блокирование банковских операций внутри национальной банковской системы), так и в международном масштабах (примером может служить использование системы международных банковских переводов как инструмента политического и экономического давления на другие страны).

В цифровую эпоху государство получает гораздо более широкие возможности по сравнению с прошлыми периодами исторического развития в части влияния на капитал той социальной группы, которая претендует на власть, – цифровой (технологической) олигархии. Если ограничение прав «традиционного» капиталиста-собственника – это болезненный процесс, способный поставить под угрозу саму концепцию организации экономики, то ограничения прав цифровой (технологической) олигархии может происходить в гораздо более простых формах и с четким идеологическим обоснованием, которое выражается в идеях цифрового и технологического суверенитета государства. Это коренным образом меняет модель взаимодействия государства и социальных групп, претендующих на власть, – государство в любой момент может создать в национальных рамках условия, фактически «обнуляющие» эти претензии и потенциал воздействия цифровой (технологической) олигархии на общественные процессы.

Четвертая группа – это традиционный средний класс. Капитал его представителей часто сочетает рабочую силу с различными своими организационными и культурными формами. Нередко он дополняется средствами производства и денежным капиталом. Представители «традиционного» среднего класса – работники, непосредственно предоставляющие услуги или товары, мелкие производители и коммерсанты, представители интеллектуального поля – адвокаты, врачи, менеджеры низшего и среднего уровней, IT-специалисты низкой и средней квалификации, банковские служащие, люди творческих профессий и т.д.

Тенденции развития среднего класса, наблюдаемые в цифровую эпоху, имеют свои корни еще в последней четверти XX века – в мировом масштабе доходы представителей среднего класса начали падение с 70-х годов прошлого века и продолжают снижаться². Цифровая эпоха оказывается несовместимой с идеологией среднего класса – залогом успеха человека является образование и упорный труд. Цифровизация девальвирует значение образования, а экономический рост в цифровую

² Коровкин В. Конец работы: почему в мире будущего нет места для среднего класса. // Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/403801-konec-raboty-pochemu-v-mire-budushchego-net-mesta-dlya-srednego-klassa> (дата обращения: 15.01.2026).

эпоху не связан напрямую с эффективностью труда – он связан с эффективностью контроля за общественными процессами. Следствием повышения удельного веса такого контроля со стороны государства становится изменение характера его взаимодействия с обществом и индивидами, что требует корректировки идейной основы государственной деятельности. В доцифровую буржуазную эпоху средний класс, отличительной чертой которого были навыки защиты собственных прав, сферы своей свободной активности, был опорой государства и социальных сил, поддерживающих идею о сервисном характере публичной власти. Усиление принудительного воздействия государства на общественные процессы, являющееся неизбежным и необходимым для сохранения государственного суверенитета в условиях конкуренции государственных структур с представителями цифровой (технологической) олигархии, делает средний класс лишним, создающим угрозу для модели государственного управления, продиктованной цифровизацией.

Действительно, исторически формирование «традиционного» среднего класса можно связать с эпохой Великой французской революции, а сам он был неразрывно связан с идеями о правах и свободах человека, о формальном равенстве, о ценности собственного труда. Внедряемые в общественную жизнь инструменты цифровой среды (например, цифровые деньги, системы социального рейтинга, основанные на технологиях искусственного интеллекта, цифровой профиль лица для его идентификации при получении социальных услуг, цифровизация и роботизация отдельных профессий, традиционно служивших полем профессиональной деятельности представителей среднего класса и т.д.) нацелены на создание механизмов контроля за обществом. Так, например, цифровые деньги способны разрушить саму идею владения и распоряжения материальными благами (а это – материальная основа существования среднего класса) – в любой момент эти деньги могут быть заблокированы на виртуальном счете или превратиться в нули. В этих условиях исчезнет стимул к владению – зачем владеть тем, что ты не контролируешь. Тем самым цифровые технологии могут разрушить один из столпов системы прав и свобод человека – право собственности. Политические тенденции, характеризующие развитие современных государств, – демонстрируют признаки заката эпохи демократии и либерализма и, как следствие, деградацию концепции прав и свобод человека и отрицание человеческого начала в самом человеке.

Кризису системы прав и свобод как идейной основы «традиционного» среднего класса способствует и специфика экономики цифровой эпохи – доцифровая экономика потребления и альтернативные модели экономики доцифровой эпохи учитывали интересы людей, имели определенное гуманистическое начало. Цифровая экономика нацелена на манипулирование человеком, на игнорирование его ценности как человека – человек – это машина внутри процесса общественного производства. А рассмотрение человека как машины, то есть вне связи с имеющимся у него культурным капиталом, приводит к утрате значимости для государства, права и общества таких его атрибутов, как квалификация, психика, духовность. То есть речь идет о постепенной деградации антропоцентристских начал в регулировании общественных отношений как об особой типологической характеристике права цифровой эпохи.

Эти процессы не могут не вызвать у представителей среднего класса неудовлетворенности государством и деятельностью общественных институтов, опосредующих социальные трансформации в цифровом обществе – в научных исследованиях это явление получило наименование «социальное разочарование

среднего класса». Усиливающемуся государству цифровой эпохи такой средний класс, представляющий собой системообразующее ядро гражданского общества, невыгоден по следующим причинам. Во-первых, финансовая независимость среднего класса от бюджетных денег и понимание его представителями ценности свободы и автономии личности от общества и государства снижает степень их управляемости. Во-вторых, сервисная ценность государства, укорененная в политическом и правовом сознании среднего класса, несовместима с идеей о расширении сферы и возможностей принудительного вмешательства государства в общественные процессы. В-третьих, средний класс выполняет по отношению к обществу важную роль социального образца, конкурирующего с правящей элитой, что подрывает социальный престиж последней и создает ей конкуренцию. Наконец, большой удельный вес среднего класса не вписывается в параметры кризиса социального государства в подавляющем большинстве стран мира – в частности, он несовместим с получающей все большее распространение идеей о минимальном базовом доходе, поскольку материальная основа существования среднего класса – это не базовый доход, а возможность осуществлять траты на более широкий спектр нужд, помимо базовых.

Думается, что основным направлением трансформации «традиционного» среднего класса в цифровую эпоху станет углубление следующей наметившейся тенденции – государство будет активно способствовать «замещению» его политически и социально активных представителей более приемлемыми для него фигурами. Это выражается в постепенном вытеснении из среднего класса людей со специальным профессиональным образованием и активной жизненной позицией и приходе на их место чиновников, «силовиков» – то есть носителей иной идеологии, базирующейся на своего рода сакрализации государства и легитимации расширения сфер его принудительного вмешательства в общественные процессы³.

Пятая группа – это так называемый «новый» средний класс. Представители этого класса – это наемные работники, основным капиталом которых является культурный капитал. Рабочая сила, труд как капитал при характеристике представителей «нового» среднего класса отходит на вторые позиции – основной доход эти люди получают за особенности своей экспертности, которую они предоставляют работодателю/заказчику и от сложности которой зависит ее дефицитность и цена.

Отличие представителей «нового» среднего класса от рабочего класса состоит в том, что для последнего культурный капитал – не основной источник дохода, таковым для него является его рабочая сила.

Для государства развитие такого «нового» среднего класса выгодно как минимум по той причине, что искусственно воздействовать на востребованность того или иного культурного ресурса (создавая условия для его конвертации в капитал или, наоборот, препятствуя этому) проще, чем в случае с рабочей силой или во взаимодействии с «традиционным» средним классом, капитал которого предполагает сочетание культурных и организационных компонентов. Негативное воздействие на спрос какого-либо культурного ресурса (например, через лицензирование, иные меры ограничительного и разрешительного характера) способно ослабить представителей «нового» среднего класса и оставить его социальную активность в рамках исключительно экономической сферы, если не Уже – сферы выживания.

³ Селина М.В. Будущее под санкциями : ситуация на рынке труда, а также социальные процессы в России в грядущие десять лет могут развиваться по разным сценариям... // IQ Media : бренд-медиа НИУ ВШЭ. 21.03.2023. URL: <https://iq-media.ru/archive/821709241.html> (дата обращения: 15.01.2026).

Характеристики культурного капитала «нового» среднего класса подтверждают тенденцию к девальвации образования, которое само по себе культурным капиталом не является. Человек с образованием может в одном случае конвертировать его в капитал и войти в «новый» средний класс, а в другом случае – пополнить ряды рабочего класса. Для государства это также создает возможности оперативно управлять региональным развитием – когда в одних частях страны человеку предоставляется при поддержке со стороны публичной власти возможность конвертировать образование в капитал, а в другой – нет.

В современных зарубежных классовых концепциях понятие «нового» среднего класса встречается довольно часто, однако, его содержание в разных исследованиях неодинаково. Например, у Дж. Голдторпа он получает наименование сервисного класса или салиариата (*service-class* или *salariat*) и включает в себя работающих по найму администраторов и менеджеров, получающих сравнительно высокую заработную плату, имеющих социальные гарантии и автономию в реализации повседневных профессиональных задач (Goldthorp, Llewellyn & Payne, 1987; Goldthorp & Erikson, 1992; Goldthorp, 1995). Э.О. Райт относит к «новому» среднему классу экспертов-менеджеров, экспертов-супервайзеров, экспертов-неменеджеров (Wright, 1985; Wright, 2001, Wright, 1997).

В России понятие «нового» среднего класса получило специфическое содержательное наполнение. Так, о его формировании в России было публично заявлено на Всероссийской банковской конференции в 2024 году старшим управляющим директором-главным аналитиком Сбербанка М. Матовниковым⁴. Он связал появление «нового» среднего класса с ростом зарплат в трех отраслях экономики – в обработке, IT и строительстве – а также с ожиданиями специфического потребительского поведения представителей этих отраслей (они были названы «новым классом заемщиков», у которых «много денег и потребности изменились»). Эта точка зрения была поддержана представителями научного сообщества⁵. Признаками представителей «нового» среднего класса назвали а) проживание в регионах РФ, б) опыт резкого скачка доходов за короткий период, в) демонстративные, иррациональные траты, г) отсутствие социального опыта финансового планирования. То есть, речь идет о формировании абсолютно уязвимой, зависимой от внешнего влияния социальной группы, не обладающей навыками самостоятельного обеспечения стабильности и прочных экономических основ своей жизнедеятельности, – идеальный вариант для целенаправленного воздействия и манипулирования.

Шестая группа – это так называемый прекариат. Понятие прекариата как класса было впервые введено в научный оборот П. Бурдьё. Подробное исследование прекариата как класса провел Г. Стэндинг (Stending, 2014). Прекариат в цифровую эпоху – это класс, представители которого характеризуются следующими чертами (Manokhina & Mityaeva, 2022:137–144): а) нестабильная занятость, б) отсутствие долгосрочных гарантий, социальных льгот, в) волатильность дохода и как следствие отсутствие твердой материальной базы для существования и социальной активности, г) утрата профессиональной идентичности, д) психологическая уязвимость

⁴ Морозова А. В «Сбере» рассказали о появлении «нового среднего класса» в России // Forbes.ru. 23.05.2024. URL: <https://www.forbes.ru/society/513122-v-sbere-rasskazali-o-poavlenii-novogo-srednego-klassa-v-rossii> (дата обращения: 15.01.2026).

⁵ Лебединская О. Новый средний класс в России: кто он. Доцент Лебединская рассказала, кто относится к новому среднему классу в России. Текст : электронный // ИА REX. 24.05.2024. URL: <https://iarex.ru/news/131105.html> (дата обращения: 15.01.2026).

и неуверенность в будущем. Прекариат – это, по сути, класс «новых бедняков», людей, занимающихся низкостатусным трудом, не способных обеспечить более высокий уровень образования себе и своим потомкам, скованных в возможностях вертикальной мобильности.

Прекариат приобретает все большее значение как для общественного производства, так и для иных общественных процессов. Включение прекариата в построенную в исследовании систему социальных групп цифровой эпохи во многом условно – в него входит абсолютно неоднородная масса людей: от фрилансеров до временных рабочих-мигрантов. Однако всех их характеризует одна общая черта – определяющее значение для институционализации этих людей в понятии прекариата имел переход к цифровой экономике.

Причинами усиления прекаризации общества в цифровую эпоху можно считать: а) платформизацию трудовых процессов – цифровые платформы стали причиной реструктуризации рынка труда, появления новых форм занятости (фриланс, дистанционная работа, аутстаффинг и др.), природа которых предполагает нестабильность; б) сокращение рабочих мест из-за автоматизации и роботизации; в) внедрение систем искусственного интеллекта в различные сферы трудовой деятельности, что создает состояние непредсказуемости в сфере занятости, может влиять на условия труда и уровень контроля над работниками; г) неоднородность и хаотичность процессов в цифровой экономике усиливают прекаризацию; д) расширение так называемой гигономики – экономики краткосрочных контрактов.

Причины прекаризации общества предопределяют характерные черты прекариата цифровой эпохи.

Зависимость от цифровых платформ и алгоритмов, на которых они основаны, усиливает подконтрольность представителей прекариата и обеспечивает их лояльность собственникам цифровых ресурсов без какой-либо встречной ответственности с их стороны. Поведение представителей прекариата подчинено алгоритмическому управлению, что в целом подтверждает тренд на алгоритмизацию социального и, в частности, правового регулирования.

Алгоритмизация регулирования делает представителей прекариата уязвимыми перед самими алгоритмами, оценивающими их деятельность по заранее заданным собственником платформы параметрам⁶. Отсюда – возможности манипулировать этими людьми.

Юридическое размывание статуса работника в отношениях, опосредованных цифровой платформой, приводит к ослаблению социального контракта и недоверию представителей прекариата к государственным институтам. Такое недоверие создает угрозу социального недовольства и коллективных деструктивных действий со стороны этих людей, особенно, если их активность будет координироваться заинтересованными лицами.

Заключение

Обзор основных тенденций развития социальной структуры в цифровую эпоху показал, что средства производства во всем их многообразии и иные критерии социального деления имеют различный дифференцирующий потенциал. И в этом контек-

⁶ Зотин А. Экономика протеста: прекариат цифровой эпохи // Коммерсантъ. 2018. 8 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3674787> (дата обращения: 15.01.2026).

сте цифровая эпоха демонстрирует большую поляризацию и разобщенность социальных групп, меньшие возможности для вертикальной социальной мобильности, ярко выраженную закономерность подчинения социальной структуры интересам усиления государства и его принудительного воздействия на общество.

Однако проанализированные аспекты формирующейся социальной структуры доказывают ее диспропорциональность, отчуждение основной массы людей от влияния на общественные процессы. В ближайшей или среднесрочной перспективе это может спровоцировать конфликты между описанными сложноорганизованными социальными общностями. Думается, что идейной основой этих конфликтов могут стать как минимум следующие факторы: а) деградация системы прав и свобод человека и, как следствие, изменение концептуальной основы взаимодействия государства, общества и индивидов, а также правовых форм такого взаимодействия; б) изменение содержания критериев социального деления и их соотношения – если в доцифровую эпоху относительно четко вырисовывалась зависимость между объемом материальных ресурсов, которыми располагало лицо, и степенью его доступа к власти, то цифровая эпоха выдвигает на первый план иные формы капитала, среди которых информация занимает ключевую позицию (French & Raven, 1959) и во многом предопределяет возможность пользоваться властью (Grishaeva & Kulikova, 2018).

Исследование подтвердило идею, высказанную американским социологом Э. Харгиттай, которая утверждала, что цифровые факторы станут основой для новой социальной дифференциации и соответствующей социальной структуры (Hargittai, 2011:936–944). Эти факторы проявили себя следующим образом: а) использование цифровых технологий создало новые ограничения социального плана, предопределившие эволюцию социальной структуры (ключевыми из таких ограничений стали доступ и владение цифровыми технологиями и контроль за их использованием); б) информационные технологии изменили характер, доступность и способы получения социальных услуг, усугубив социальную дифференциацию; в) необходимость усиления регулирующей роли государства как реакция на политические притязания цифровой (технологической) олигархии потребовало ослабления социальных групп, которые в доцифровую эпоху выполняли роль «противовеса» государственному вмешательству в различные сферы жизни общества.

Исследование позволяет предположить, что дальнейшая эволюция социальной структуры в цифровую эпоху неизбежно будет сопровождаться поиском государством новых форм социального управления, манипулирования, социальной инженерии, активным его влиянием на динамику классообразования через воздействие на экономические основы человеческой жизнедеятельности, образ жизни, образ мышления людей. Думается, что доминантой в таком поиске будет деградация антропоцентричных начал социальной, политической и правовой организации общества.

References / Список литературы

- Barber, B. (1957) *Social stratification; a comparative analysis of structure and process*. New York, Harcourt, Brace and company Publ.
- Baturenko, S.A. (2022) Social stratification in W.L. Warner research. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 28 (2), 86–98. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136> EDN: PGWEVT.
- Батуренко С.А. Социальная стратификация в исследованиях У.Л. Уорнера // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 2. С. 86–98. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136> EDN: PGWEVT.

- Blau, P.M. (1981) Introduction: Diverse Views of Social Structure and Their Common Denominator. In: Blau, P.M. & Merton, R.K. (eds.) *Continuities in Structural Inquiry*. London, Beverly Hills Publ., pp. 1–26.
- Darendorf, R. (2002) *Contemporary Social Conflict: An Essay on the Politics of Freedom*. Trans. Pantina, L.Yu. Moscow, ROSSPEHN Publ. (In Russian).
Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантинной. М. : РОССПЭН, 2002. 288 с.
- Davis, K. (1942) A conceptual analysis of stratification. *American Sociological Review*. 7 (3), 309–321. <https://doi.org/10.2307/2085360>
- Davis, K. & Moore, W. (1945) Some principles of stratification. *American Sociological Review*. 10 (2), 242–249.
- Ermakov, M.A. (2014) Social structure of the information society: A synthetic model. *Society and Power*. (4 (48)), 18–24. (In Russian). EDN: SQRYTP.
Ермаков М.А. Социальная структура информационного общества: синтетическая модель // Социум и власть. 2014. № 4 (48). С. 18–24. EDN: SQRYTP.
- French, J.R.P. & Raven, B. (1959) The bases of social power. In: Cartwright, D. (ed.) *Studies in social power*. Ann Arbor, MI, Institute for Social Research Publ., pp. 150–167.
- Giddens, A. (1981) *The Class Structure of the Advanced Societies*. 2nd ed. London, Hutchinson Publ.
- Goldthorp, J. (1995) The Service Class Revisited. In: Savage, M. & Butler, T. (eds.) *Social Change and the Middle Classes*. London, UCL Press.
- Goldthorp, J. & Erikson, R. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford, Clarendon Press.
- Goldthorp, J., Llewellyn, C. & Payne, C. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. Oxford, Clarendon Press.
- Grishaeva, S.A. & Kulikova, O.A. (2018) Socio-psychological features of the process of transformation of the social structure of society and the process of communication in the digital space. *Digital sociology*. 1 (1), 29–34. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34> EDN: VQPXMM.
Гришаева С.А., Куликова О.А. Социально-психологические особенности процесса трансформации социальной структуры общества и процесса коммуникации в цифровом пространстве // Цифровая социология. 2018. Т. 1. № 1. С. 29–34. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2018-1-29-34> EDN: VQPXMM.
- Hargittai, E. (2011) The Digital Reproduction of Inequality. In: Grusky, D.B. (ed.) *The Inequality Reader*. 2nd ed. London, Routledge, pp. 936–944. <https://doi.org/10.4324/9780429494468-69>
- Kastels, M. (2000) *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Trans. Shkaratan, O.I. (ed.) Moscow, GU VShJe Publ. (In Russian).
Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 609 с.
- Lenski, G. (2005) *Ecological-Evolutionary Theory: Principles and Applications*. Boulder, Paradigm Publishers.
- Manokhina, N.V. & Mityaeva, N.V. (2022) Precarization of employment in the digital economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 22 (2), 137–144. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144> EDN: JAHUOW.
Манохина Н.В., Митяева Н.В. Прекаризация занятости в цифровой экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 2. С. 137–144. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-2-137-144> EDN: JAHUOW.
- Marks, K. & Ehngel's, F. (1987) *Selected essays*. Vol. 7. Moscow, Politizdat Publ. (In Russian).
Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9-ти т. Т. 7. М. : Политиздат, 1987. 811 с.
- Marshall, G. (1997) *Repositioning Class: Social Inequality in Industrial Societies*. London, SAGE Publication.

- Nolan, P. & Lenski, G. (1974) *Human Societies: An Introduction to Macrosociology*. 2nd ed. New York, Mcgraw-Hill New York Company Publ.
- Stending, G. (2014) *Precariat: A New Dangerous Class*. Trans. Usova, M. Moscow, Ad Marginem Press. (In Russian).
Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
- Turen, A. (1986) From Exchange to Communication: The Birth of a Programmable Society. In: Leont'ev, V.M. (ed.) *A new technocratic wave in the West*. Moscow, Progress Publ., pp. 410–430. (In Russian).
Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. В.М. Леонтьева. М. : Прогресс, 1986. С. 410–430.
- Warner, W.L. (1997) Social class and social structure. *Rubezh : Al'manakh sotsial'nykh issledovaniy*. (10–11), 42–57. (In Russian).
Уорнер Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 42–57.
- Warner, W.L. & Lunt, P.S. (1941) *The social life of a modern community*. Vol. 1. New Haven, Yale university press.
- Warner, W.L., Meeker, M. & Eells, K. (1949) *Social class in America: A manual of procedure for the measurement of social status*. Chicago, Science research associates Publ.
- Wearne, B.C. (2002) Bernard Barber's social system theory. *The American Sociologist*. 33, 86–104.
<https://doi.org/10.1007/s12108-002-1004-4>
- Wright, E. (1985) *Classes*. London, Verso Editions.
- Wright, E. (2001) A General Framework for the Analysis of Class Structure. In: Grusky, D. (ed.) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder, Westview Press, pp. 383–423.
- Wright, E. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Зинковский Сергей Борисович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и государства, юридический институт, Российский университет дружбы народов; Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; доцент кафедры публичного права, Одинцовский филиал МГИМО МИД России; Российская Федерация, 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-код: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru

About the author:

Sergey B. Zinkovskiy – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State, Law Institute, RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation; Associate Professor of the Department of Public Law, Odintsovo branch, MGIMO University; 3 Novosportivnaya str., Moscow region, Odintsovo, 143007, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6494-0542; SPIN-code: 8662-8904; Scopus ID: 57194431845

e-mail: zinkovskiy-sb@rudn.ru